

Т. С. Карпачева

Еще раз о влиянии «Страшной мести» Н. В. Гоголя на «Хозяйку» Ф. М. Достоевского

В статье рассматривается рецепция сюжета «Страшной мести» Н. В. Гоголя в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка». Поставленный вопрос имеет долгую историю изучения; неоднократно к нему обращались исследователи, останавливаясь чаще на мысли о том, что в повести Достоевского пародируется гоголевский сюжет, однако цель этого пародирования и его влияние на идейное содержание произведения остаются еще не изученными. Автор приходит к выводу о том, что главное различие сюжетов находится именно в идейной плоскости: если у Гоголя в «Страшной мести» прослеживается мысль о фатальной предопределенности, фактически все события повести определяются «родовым проклятием», то у Достоевского, напротив, никакой предопределенности и фатальности нет. Колдун у Гоголя будто бы «настоящий» колдун, что, впрочем, вписывается в жанровые признаки «страшной повести». Именно с таким пониманием Достоевский вступает в полемику: если с «колдуна» снять маску, то под ней окажется лидер организованной преступной группы.

Ключевые слова: Достоевский, повесть «Хозяйка», Гоголь, «Страшная месть», колдун.

Для цитирования: Карпачева Т. С. Еще раз о влиянии «Страшной мести» Н. В. Гоголя на «Хозяйку» Ф. М. Достоевского // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 10–31. DOI 10.35231/25419803_2023_2_10

Тема соотношения «Страшной мести» Н. В. Гоголя и «Хозяйки» Ф. М. Достоевского уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Впервые на эту связь еще в 1921 г. указал Ю. Н. Тынянов, утверждавший, что Достоевский в значительно большей степени пародирует Гоголя, чем «следует» за ним, ибо «всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов» [28, с. 6]. Отмечая преемствен-

ность в форме пародирования «Страшной мести» в «Хозяйке» («действующие лица "Хозяйки" близки к лицам "Страшной мести"» [28, с. 6]), Тынянов, однако, не конкретизирует свою мысль, а ограничивается лишь замечанием об одинаковых именах героинь [28, с. 9].

Образ Ильи Мурина («Хозяйка») большинством ученых справедливо оценивается как демонический, как предвстие Великого Инквизитора (см., напр.: [4, с. 217; 23, с. 257] и др.). Некоторые ученые, рассматривающие сюжет повести как фольклорный, сказочный, называя Мурина «колдуном», соотносят его образ со злым волшебником [31, с. 44]. Другие, придерживающиеся более реалистического взгляда на «Хозяйку», акцентируют внимание на психологических манипуляциях Мурина, позволяющих удерживать Катерину в страхе. Пожалуй, впервые в истории изучения повести о манипулятивном поведении Мурина заговорил К. К. Истомина, отмечая безволие Катерины перед властью ее «повелителя» [15, с. 37]. Истомина также впервые делает предположение о нетрадиционной религиозности Мурина: «История экстаза нарисована здесь до такой степени правильно и детально, что каждое слово художника находит себе оправдание в научных работах по сектоведению» [15, с. 35]. Впоследствии эта мысль будет раскрыта и продолжена в современных работах (см., напр.: [6, с. 264–265; 9; 31, с. 25–26; 16; 17; 18] и др.).

Истомин опирается на работы известного специалиста по сектам и расколу А. П. Щапова, современника Ф. М. Достоевского, мнению которого писатель доверял, – его статьи публиковались в журнале «Время». Притом нельзя здесь не обратить внимания на то, что «Хозяйка» (1847) была напечатана раньше статей Щапова (1860–е гг.), и, таким образом, художественное произведение в осмыслении проблемы сектантства предшествует научным исследованиям (подробнее об этом см., напр.: [16]). Помимо трудов Щапова, Истомина ссылается также на работу специалиста по изучению сект начала XX в. Д. Г. Коновалова и через призму его исследования «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» рассматривает состояние Мурина как экстатическое. Однако, при всей глубине осмысления ученым образа Мурина, нельзя все же согласиться с его мыслью о том, что он представляет

с собой образ «типичного колдуна» – слишком широк «послужной список» его преступных деяний для всякой типичности: разбой и «душегубство», убийство родителей Катерины и, скорее всего, Алеши, принадлежность к секте, где лидер в восприятии адептов занимает место Бога, сожительство с собственной дочерью, – все это выводит этот образ из всех возможных границ изображения и понимания в литературе даже образов преступников, поэтому, на наш взгляд, невозможно говорить о какой-либо «типичности».

В 1934 г. на сюжетное сходство двух произведений обратил внимание А. Белый в своей последней книге «Мастерство Гоголя»: он рассматривает параллели «колдун / Мурин» и «пани Катерина / Катерина-хозяйка». Интересно, что Белый уже акцентирует внимание на криминальной линии повести и прослеживает параллель с героем «Страшной мести» в плане малозначительности наказания, притом, за далеко не самые тяжкие преступления, о которых становится известно читателю: «колдун терпит кару за то, что шпион; Мурин карается не за разбой, а за мелкую контрабанду» [3, с. 374]¹. Как отмечает Белый, в «Хозяйке» образы обоих главных героев: и Катерины, и Мурина – продолжают линию, заданную Гоголем: «"Хозяйка" – отклик "С<трашной> М<ести>" <...> она (Катерина в "Хозяйке". – Т. К.) как бы – пани Катерина, согласившаяся на брак с *отцом*» (курсив авт. – Т. К.), а «Мурин списан с ростовщика (в "Портрете". – Т. К.) и с колдуна Гоголя» [3, с. 374].

Материалы и методы

При всей значимости наблюдений А. Белого, нельзя согласиться с объяснением им власти Мурина неким «гипнозом» последнего: Катерина, в понимании поэта, сошла с ума «под гипнозом не то мужа, не то родственника» [3, с. 373]. Хотя, впрочем, словосочетание «под гипнозом» в устах поэта Серебряного века могло иметь и переносное либо явно гиперболизированное значение. «Гипнотизером» называет Мурина и К. К. Истомина [15, с. 37]. И если в работах, носящих характер эссе, тем более авторов, чья культурная картина

¹ Здесь, видимо, имеется в виду финал произведения, когда выяснилось, что дом Кошмарова населяли «мошенички» и «контрабандисты», однако Мурина, как и прежде, избежал наказания – вместе с Катериной он успел скрыться, так что нельзя сказать, что Мурина вообще за что-либо «карается». Притом, говоря о преступлениях Мурина, оставшихся без наказания, Белый обходит вниманием тот факт, что в них была замешана и Катерина.

мира была сформирована в эпоху Серебряного века, предположение о «гипнозе» (в бытовом, а не медицинском смысле) и о «колдовстве» еще как-то объяснимо, то в современной академической науке такая интерпретация выглядит по меньшей мере странно. Так, Э. С. Кузьминых власть старика над Катериной объясняет «мистическим характером» (? – Т. К.) их отношений, в которых, в свою очередь, видит, опять же, «мистическую», фольклорную семантику, раскрывающую «отношения с человеком, одержимым злым духом» [21]. Верит в «мистические способности» Мурина и всерьез говорит о нем как о некоем «сверхчеловеке» философ И. И. Евлампиев [12]. Все это лишь «затуманивает» понимание проблематики произведения и не может не вызывать тревогу относительно сохранения академического уровня литературоведческих исследований.

В 30-е гг. XX в., параллельно с А. Белым, к изучению влияния «Страшной мести» на «Хозяйку» обратился А. Л. Бем, для которого «близость двух героинь <...>, носящих общее имя Катерина, находится вне всякого сомнения» [4, с. 217]. Достоевский в своих «литературных спорах» с Гоголем, как считает ученый, развивает лишь намеченные, но не осмысленные последним проблемы («пропущенные идеи», как, по предположению Бема, их мог бы назвать сам писатель), «чтобы показать всю их существенность» [4, с. 216]. Согласно Бему, Достоевский переводит «мотив потустороннего мира» гоголевской повести в «мир психической загадочности, лишая его таким образом немотивированности, свойственной легенде-сказке» [4, с. 217]. Власть Мурина над Катериной, в отличие от власти колдуна над гоголевской Катериной, не «мистическая», а психологически обоснованная: она, по Бему, «объясняется психологией "слабого сердца", особого психического состояния, когда человек готов отдать добровольно волю свою другому только за то, что он берет на себя всю ответственность за него, за право переложить свою вину со своих слабых плеч на плечи другого» [4, с. 217]. Основываясь на этом, ученый приходит к выводу о том, что старик Мурин является «прямым прообразом Великого Инквизитора» [4, с. 217]. Идея Бема о переводе Достоевским сказочных, «таинственных» событий в реалистическую плоскость была продолжена К. В. Мочуль-

ским: «У Гоголя подчеркнут сказочный и сверхъестественный характер "странной были", у Достоевского демонизм Мурина истолкован психологически» [23, с. 255]. По мысли ученого, в «Хозяйке» пародируется жанр «страшной повести»: «Исповедь героини "Хозяйки" доводит до грани пародии все приемы романтической "страшной повести"» [23, с. 255].

Б. Г. Реизов, как и другие исследователи, рассматривает «Страшную месть» Гоголя в качестве литературной традиции, воспринятой Достоевским, а наряду с ней – немецких романтиков, которые в начале XIX века «создавали фантастические романы и повести с магией, любовью и нечистой силой» [24, с. 144]; в частности, в качестве иных возможных претекстов называет повести Л. Тика «Белокурый Экберт» и «Любовные чары». «Влюбленная героиня становится жертвой непостижимых для нее влечений, каждый жест, взгляд, слово любимого отдает ее целиком в его власть. Зная, что ее повелитель недостоин любви, что он способен на самые страшные преступления по отношению к ней и к другим, она все же не в состоянии избавиться от беззаветной преданности своему соблазнителю. Рабски подчиняясь своим страстям, она иногда совершает преступления, которых требует повелитель, и затем испытывает жестокие мучения совести. Она понимает свою любовь как нечто роковое и неотвратимое или как колдовство. В борьбе неразумной страсти с нравственным сознанием в огромном большинстве случаев побеждает подсознание, приводящее к гибели женщину и ее семью. В таком положении находится и Катерина Достоевского» [24, с. 147], – так определяет исследователь психологию героини.

Безусловно, нельзя не согласиться с учеными, выявившими в повести Достоевского преемственность «Страшной мести» в форме пародирования, однако до сих пор в исследовательской литературе нет четкого ответа на вопрос: что именно здесь пародируется? Только ли сам жанр «страшной повести»? И каков тогда замысел пародирования жанра? Важным открытием в понимании повести явилось также осмысление, предложенное А. Л. Бемом, психологической (а не «мистической», «таинственной», «гипнотической») власти Мурина над Катериной, однако нельзя не обратить внимания на то, что выделение лишь одного мотива «слабого сердца», готового

и как будто «желающего» подчиниться, явно недостаточно. Если сердце Катерины столь «слабое» и только «слабое», то как она смогла взять такую власть над Ордыновым?

Результаты

В исследованиях советского периода было продолжено изучение вопроса: пародируется ли «Страшная месть» в «Хозяйке» Достоевского или, напротив, писатель воспринимает и продолжает гоголевскую традицию при создании загадочного сюжета? Так, В. В. Ермилов убежден, что «иначе, чем влиянием "Страшной мести", невозможно и объяснить столь неожиданное вторжение романтически-эпической стилистики в творчество Достоевского» [13, с. 78]. «Тайной» «неразрывной мучительной связи», которую «вынужден разгадывать» Ордынов, пронизаны отношения Мурина и Катерины в изложении В. А. Свительского, который, несмотря на отсутствие конкретики в понимании сюжетной линии повести, точно отображает состояние зависимости Катерины как «извращенной привязанности к властителю, держащему ее в духовном рабстве» [26, с. 49] (курсив наш. – Т. К.). Примечательно, что здесь Свительский, не угадывая, впрочем, яркого «сектантского» колорита повести, очень четко описывает отношения подчиненности харизматическому лидеру как «духовное рабство», которым и определяет состояние Катерины. Однако с мнением ученого о том, что Катерина добровольно остается с Муриным («Она выбирает Мурина, а не Ордынова» [26, с. 49] (курсив наш. – Т. К.), согласиться нельзя. Кажущаяся некоторым исследователям добровольность Катеринино подчинения Мурину («добровольным» ее подчинение называет также и А. Л. Бем [4, с. 217]) вполне опровергается ее соучастием в его преступлениях, на чем, по сути, и зиждется вся его «таинственность» и «мистическая» власть (о соучастии Катерины в преступлениях Мурина см., напр.: [16; 25, с. 89]).

Г. М. Фридлиндер и коллектив авторов примечаний к полному собранию сочинений Достоевского, продолжая линию изучения связи гоголевской повести с «Хозяйкой», пожалуй, более всех исследователей приближены к реалистической плоскости: не рассматривая всерьез тему «колдовства» и «гипнотизма», они впервые связывают власть Мурина над

Катериной с криминалом. В качестве причины ее подчинения «хозяину» выделяется ее соучастие в его преступлениях: «Героиня "Страшной мести" – жертва отца, мрачного колдуна, который в историческом плане повести выступает как изменник и предатель. Достоевский психологически усложняет ту же ситуацию, осовременивая ее. Переноса действие в Петербург 1840-х гг., он заменяет фигуру гоголевского колдуна образом купца-сектанта, религиозного фанатика с уголовными связями и темным прошлым <...>. Вступая с ним в неравную борьбу, Ордынов терпит поражение как из-за собственной слабости "мечтателя", так и из-за "слабого сердца" Катерины, поработанной Муриным и сломленной сознанием своего соучастия в его "грехе"...» [11, I, с. 509]. (Почему слово «грех» здесь взято в кавычки, неясно. Скорее всего, из-за того, что такая религиозно окрашенная лексика в советское время воспринималась с долей скептицизма. С другой стороны, в повести действительно речь идет не только о грехе Мурина, но и о целом ряде его преступлений).

Первой специальной работой, посвященной вопросу влияния гоголевской повести-сказки на «Хозяйку» Достоевского, стала статья Л. Я. Ермиловой [14]. Автор останавливается на изображении психологического состояния обеих героинь и делает вывод о том, что «Катерина из "Страшной мести" и другая Катерина сходят с ума. У той и другой сходные картины психических уклонений, сходны и причины возникновения болезни» [14, с. 117–118]. Состояние гоголевской Катерины исследователь считает «ответом психики на невыносимое положение» [14, с. 118] и сопоставляет с состоянием Катерины-хозяйки, что, конечно, к описанию второй Катерины относится в значительно большей степени, так как подходить с реалистических позиций к гоголевской повести вообще сложно. В ней сказочно и фантастично все: начинающая с мертвецов, встающих из могил, заканчивая историей мести Ивана Петру, продолжением которой и оказываются события повести. Важно то, что автор здесь вслед за Бемом (хотя, скорее всего, советский ученый не был знаком с работами, написанными русскими эмигрантами) переводит в реальный план гоголевскую «мистику» и показывает, что во власти Мурина нет никакой таинственности: «Аффекты

Мурина не в "магнетизме, гальванизме и электричестве", как иронизирует Белинский, а в тяжелой, может быть, и умно сдерживаемой злобе. В его взгляде не "гипноз", а "надменность", "насмешка", "злоба", "наглость", "презрение" <...> "бесстыдный смех"» [14, с. 123–124]. Автор указывает на прием противопоставления, использованный Достоевским в «Хозяйке», для подчеркивания его несогласия с Гоголем: «Бесконечное возмездие реализуется в "Страшной мести" и получает свою антитезу в надежде на очищение и возрождение к новой жизни Катерины и Ордынова, в его "чистой и светлой душе"» [14, с. 124]. Даже если не состоится «очищение и возрождение» Катерины к новой жизни (как бы ни хотелось в это верить исследователям, в самой повести все же ничто не указывает на возможное «воскресение» Катерины и освобождение ее от власти Мурина), антитеза тут, безусловно, присутствует. В повести Достоевского, в отличие от сказочного сюжета Гоголя, нет никакой «предопределенности», тогда как в финале «Страшной мести» оказывается, что история страшного колдуна была вызвана чувством мести Ивана Петру, и его желание отомстить всему роду обидчика будто бы «поддерживается» самим Богом: «"Великий есть грешник сей человек! – сказал Бог. Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь!" Долго думал Иван, вымышляя казнь, и наконец, сказал: "Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда, и лишил меня честного моего рода и потомства на земле. А человек без честного рода и потомства, что хлебное семя, кинутое в землю и пропавшее даром в земле. Всходу нет – никто не узнает, что кинуту было семя. Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах и, терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться и оттого терпел бы муку еще горшую; и ел бы, как бешеный, землю, и корчился бы под землею!..» [7, с. 185].

Тема «родового проклятия», фатальной предопределенности, образ Бога, исполняющего желания, – все это с точки зрения христианского миропонимания не может не вызывать

сомнений, несмотря на то что жанр «Страшной мести» вполне соотносится с жанром «страшной сказки», где в принципе возможно все. Так, М. Н. Климова недоумевает, каким образом «история проклятого рода» оказывается вписанной Гоголем «в едва ли не христианскую модель мира» [19, с. 61] и почему «для последнего потомка Петра (видимо, имеется в виду потомство по мужской линии, не считая Катерину. – Т. К.) "изначально закрыт" путь спасения» [19, с. 61]. «Бог "Страшной мести" пугающе лишен одного из важнейших своих атрибутов – милосердия, – справедливо замечает автор. – В результате его попустительства в мир входит великое и неистребимое зло, основанное на трех тяжелейших грехах – предательстве, убийстве невинного ребенка и эгоистической мстительности и нежелании простить пострадавшего» [19, с. 61].

Скорее всего, причину несогласия Достоевского с гоголевской повестью и, как следствие, смысл ее пародирования нужно искать именно в этой плоскости. Отношение Достоевского к Гоголю неоднократно становилось темой отдельных исследований, но, возможно, именно рецепция сюжета «Страшной мести» в «Хозяйке» даст понимание категоричной мысли Достоевского, высказанной, впрочем, в черновых записях, о религиозном мировоззрении Гоголя: «...Идеал Гоголя странен: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство» [11, XXIV, с. 303–304]. «Чтобы сказать такое о Гоголе, для которого главным в жизни было истовое устремление к Богу и глубокие религиозные переживания, надо было иметь веские основания» [27, с. 57], – отмечает К. А. Степанян. Какие же это основания? Возможно предположить, что это как раз-таки та непреодолимая и заведомо предопределенная гибель души «последнего в роде» Иуды Петра, и, соответственно, несвобода человека и прямая обусловленность его жизни родоплеменной цепочкой. Сходная идея, правда, безотносительно «Хозяйки» и «Страшной мести», высказывалась В. А. Викторovichем, по мысли которого «Гоголь по своей писательской природе тяготеет к Ветхому, а Достоевский – к Новому Завету. Хотя, конечно, Гоголь – христианин, хотя, конечно, Гоголь в "Выбранных местах из переписки с друзьями" отстаивает христианские идеалы, но делает это как пропагандист, публицист, а все-таки не как художник.

А вот как художнику Гоголю все-таки свойственно ветхозаветное видение <...> Гоголь <...> показывает <...>, в чем человек преступил перед Богом, но дальше, очевидно, реализм Гоголя пойти не мог»¹.

Новый штрих в понимание сопоставления «Страшной мести» и «Хозяйки» вносит работа Дж. Джиганте, где автор соотносит болезненный сон Ордынова («...целые кладбища высылали ему своих мертвецов, которые начинали жить сызнова» [11, I, с. 279]) со сценой в «Страшной мести», когда возвращающиеся со свадьбы по Днепру Данила и Катерина, проезжая мимо кладбища, видят встающих из могил мертвецов [10, с. 47]. Понимание сна Ордынова как пародии на сцену с мертвецами в «Страшной мести» гораздо более соответствует научному взгляду на художественный текст, чем, например, предложенное И. Аврамец, согласно которому «во сне Ордынов уподобляется Богу (sic! – Т. К.), с одной стороны, Творцу Мира (орфография автора. – Т. К.), по сценарию которого создаются и гибнут народы, по воле которого "целые кладбища высылали ему своих мертвецов...", а с другой – умирающему и воскресающему Богу, притом герой одновременно обнаруживает черты божественного антагониста, причастного иному, "кромешному" миру» [1, с. 155] (сцена с кладбищами и мертвецами, как видно, воспринимается в этой работе совершенно серьезно. – Т. К.).

В настоящее время новых работ, посвященных восприятию/пародированию Достоевским «Страшной мести» в «Хозяйке», не появляется: исследователи лишь вскользь упоминают об этом как об известном факте. Так, Н. Г. Михновец вписывает восприятие Достоевским гоголевской повести в историю развития метасюжета власти, который впоследствии будет реализован в творчестве Островского и позднем творчестве Достоевского: «...В повести "Хозяйка" Достоевским была подхвачена гоголевская тема мужской власти над женской душой: душа Катерины в повести "Страшная месть" подвластна силе колдуна, душа Катерины в повести Достоевского – Мурины» [22, с. 110–111]. Тем не менее в исследовательской литературе осмыслены далеко не все художественные связи

¹ Викторич В. А. Гоголь и Достоевский: лекция «Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну». Электронный ресурс. URL: <https://magisteria.ru/category/dostoevsky> (дата обращения: 17.02.2023).

этих повестей даже на уровне сопоставления самого событийного ряда. Безусловным сходством является убийство обоими колдунами обеих матерей, притом выбирается один и тот же способ убийства – при помощи ножа. «Душа» пани Катерины знает об этом убийстве, тогда как сама о нем она не знает. Катерина-хозяйка, в отличие от гоголевской Катерины, является фактически соучастницей преступления Мурина: она *впускает* его в дом через окно, когда он приходит с целью убить ее родителей, хотя и не раскрывает ей своей цели, но она так же тайно, через окно, и *выпускает* его, «чтоб не мимо людей» [11, I, с. 297], и сама сбегает с ним, уже догадываясь о том, что произошло. Очевидно, что не просто для «красного словца» Катерина называет себя «проклятой», «окаянной» дочерью и «душегубкой». «Душегубством» в уголовном праве XV–XVI вв. (периода Судебников) называлось убийство, и впоследствии это слово как синоним убийства перешло в народную речь, так что в устах Катерины это вовсе не метафора или гипербола, а квалификация деяния (см. об этом, напр.: [2, с. 36; 47]. Катерина слышит слабый крик, «словно ребенок вскрикнул, когда во сне испугается» [11, I, с. 297], который никому, кроме матери, принадлежать не мог, – в это время они находятся одни в доме, и мать лежит в постели больная: «Знала я, что она на смертной постели лежит, с жизнью прощается, знала я, окаянная дочь» [11, I, с. 297]. Через некоторое время она слышит, как люди с завода бегут и кричат, что ее отец упал в котел, «знать, нечистый его туда подтолкнул» [11, I, с. 297]. Катерина думает, что близка ее погибель, но оказывается, что Мурин все это устроил ради того, чтобы увезти ее. У читателя не возникает сомнений в причастности Мурина к гибели отца Катерины, упавшего в котел: он возвращается к ней со словами «душу свою я за тебя сгубил», «весь опаленный, и кафтан его, горячий на ощупь, дымится» [11, I, с. 297]. Для подтверждения же сюжета убийства матери Достоевский вводит следующий диалог: убегая с Муриным, Катерина спрашивает его: «А отчего у тебя руки в крови?» – «Руки в крови, моя родимая? а ваших собак порезал, разлазались больно на позднего гостя» [11, I, с. 298]. Такое объяснение «с ходу» придумывает Мурин, и, разумеется, он не может прямо сказать Катерине: «Руки в крови, потому что я только

что убил твою мать». Таким образом, подчинение Катерины Мурину строится на вовлеченности ее в преступление, на соучастии – это типичный прием, используемый в организованных преступных группах. Впоследствии именно о таком способе сплачивания будет говорить Ставрогин в «Бесах»: «Подговорите четырех членов кружка укокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете» [11, X, с. 299].

Отличие гоголевской повести от повести Достоевского также в том, что у Гоголя образ матери пани Катерины на момент развития событий никакой роли в сюжете не играет: читатель лишь узнает, что отец-колдун уже давно убил ее. Образ же матери Катерины-хозяйки играет очень важную роль в повести Достоевского, и ее история могла бы стать сюжетом для отдельного произведения, а по накалу страстей достойна пера античного автора. Из рассказа Катерины Ордынову следует, что она помнит Мурина, «едва память <в ней> родилась» [11, I, с. 295]; когда он приходил к ее матери, ее отсылали, и ей всегда было страшно, когда он приходил. По всей видимости, мать и жила только посещениями Мурина, с которым могла быть знакома до замужества: они, скорее всего, были земляками, так как их объединяет знание татарского языка. Вероятно, законный отец Катерины не знает о связи своей жены с любовником, продолжающейся во все время их брака. Увидев однажды, как подросла девушка, Мурин решает сменить «старую любовь» на молодую. Учитывая обоснованное предположение о его принадлежности к сектантской, по-видимому хлыстовской, общине и лидирующее в ней положение, это вполне вероятно (практически все исследователи, обращавшиеся к изучению хлыстовщины, отмечали царивший в ней разврат, как писал П. И. Мельников-Печерский, «не разбирающий ни возраста, ни уз родства» [21, с. 314]). Притом, помимо хлыстовщины, в начале XIX в. существовало множество и других сект, сведения о которых остались лишь в специальных исследованиях. Так, в фундаментальной работе Н. В. Варадинова «История Министерства внутренних дел» упоминается о некой финской секте, обосновавшейся еще в 20-х гг. XIX в. в Санкт-Петербурге, сходной с хлыстовщиной (для них также были характерны

радения и «пророчества»), где, как у хлыстов, «брак почитают противным религии, которая, по их мнению, не препятствует находящемуся в супружестве лицу питать пламенную любовь к другому, имеющему с ним одинаковые чувствования; это согласование чувств приписывают не физическим, не нравственным причинам, а сверхъестественному действию» [5, с. 281]. Известно при этом, что один из руководителей этой секты, как и Мурин, «находился в плотском смешении с двумя женщинами – матерью и дочерью» [5, с. 281]. Конечно, Достоевский мог не знать о секте «финских раскольников», но очевидно то, что он интуицией гения уловил разрушительные для личности и общества признаки, характерные для любой секты.

У «старой любви» Мурина, матери Катерины, свой «миллион терзаний». После того как Мурин, уходя, дарит Катерине «бурмицкие зерна» (жемчуг), которые та, чтобы похвастаться, относит матери, она в запальчивости выдает тайну рождения дочери: «Я сама скажу, что за купцы приезжали и за каким товаром приехали... Уж я скажу ему (мужу. – Т. К.), чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мне теперь, ты мне змея подколотная! Ты детище мое проклятое!» [11, I, с. 296]. В этих словах содержится достаточно явный намек на то, что Катерина – дочь Мурина. Поняла ли Катерина слова матери, остается неясным, но, скорее всего, поняла, потому что впоследствии она сама называет себя по отношению к старику «дочкой любезной» [11, I, с. 306]. Здесь тайна матери выходит наружу, потому что «все тайное становится явным», а «случайное семейство» определяет дальнейшую трагическую судьбу Катерины. Мать, увидев в дочери потенциальную соперницу, тут же проклинает ее. Как объясняет этот эпизод Л. Я. Ермилова, «здесь больная мать в смертельной обиде готова сказать мужу, чьей дочерью была Катерина» [14, с. 113]. Также и О. Г. Дилакторская [8, с. 75] с большой долей вероятности допускает, что союз Мурина и Катерины мог быть кровосмесительным. По всей видимости, после истории с «бурмицкими зернами», подаренными Муриным вместо нее дочери, и обрушенного ею на дочь проклятия, болезнь матери Катерины обострилась, и она слегла. К моменту второго прихода Мурина она уже «третьи сутки на смертной постели лежит» [11, I, с. 297].

Собственно, умирающую мать и «добывает» Мурин, поэтому ее крик настолько слаб и сравним с криком ребенка. Трагедия «старой любви» завершилась: жившая только встречами с любовником, потеряв его, она «горько плачет» и «с жизнью прощается», а увидев соперницу в дочери, тут же проклинает ее и вскоре погибает от руки своего любовника. Намек на то, что Катерина-хозяйка в действительности дочь Мурина, безусловно, продолжает сюжетную линию «Страшной мести», где пани Катерина знает, что колдун – ее отец, но о его преступной страсти к ней «знает» лишь ее душа, которую он умеет «вызывать» своими магическими ритуалами.

Мурин также занимается магическими ритуалами и различными оккультными практиками, но, в отличие от гоголевского колдуна, неплохо на них наживается. На первый взгляд, может показаться, что, приехав в Петербург, в силу возраста и чтобы не «терять из виду», ни на минуту не оставляя Катерину, Мурин от своей преступной деятельности отказывается. Однако в конце повести вдруг «неожиданно» (хотя на самом деле, вполне ожидаемо) оказывается, что дом Кошмарова представлял собой «притон» «воров, контрабандистов и мошенников», из которых «иных переловили, за другими еще только гоняются» [11, I, с. 320], Мурин же с Катериной успели скрыться. В Петербурге Мурин, как понимает в конце повести читатель, возглавил «шайку воров» [11, I, с. 320], контрабандистов и мошенников [11, I, с. 320], которая располагалась в доме Кошмарова, и занялся предсказательством на возмездной основе, сам же Кошмаров оказался подставным лицом, а Мурин в очередной раз избежал наказания (см. об этом: [16; 17]).

Со слов Ярослава Ильича, Мурин стяжал себе славу «предсказателя» и «специализировался» большей частью на предсказаниях смерти: «Этот человек имел ужасное влияние на приходивших к нему» [11, I, с. 287], и все от него выходило «бледные, как платок» и в слезах. Однако Ярослав Ильич, хоть сам и попадает под «чары» Мурина, утверждает, что в настоящее время он этим не занимается, так как «строжайше запрещено-с» [11, I, с. 287]. Действительно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845) содержались нормы, объединенные в параграфе «О подложном проявлении чудес и других сего рода обманах», главы III «О нарушении

общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлениях», так что ритуалы, проводимые Муриным, в зависимости от того, как именно они проводились и сколько народу в них вовлекалось, могли квалифицироваться по какой-либо из этих норм (см. об этом подробнее: [16]). Также лжепредсказания и лжепророчества были запрещены Уставом о предупреждении и пресечении преступлений – законодательным актом, направленным большей частью на профилактику правонарушений [29].

Такие предсказания на возмездной основе («деньга на стол, тотчас на стол – без деньга ни!» [11, I, с. 282], как совершенно однозначно определил корыстную цель его практик дворник-татарчонок) служат еще одним подтверждением принадлежности Мурина к хлыстовству. Такого рода практики были характерны для хлыстовской среды и очень в ней почитаемы. По наблюдению А. П. Шапова, ведущего происхождения хлыстов напрямую из язычества, хлыстовские «пророки» и «пророчицы» предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т.д., ничем не отличаясь от обыкновенных деревенских колдунов. «Когда стал возникать раскол, – отмечает ученый, – волхвы и чародеи, шаманы и кудесники стали обращаться в пророков и расколоучителей» [33, с. 600]. Интересно, что уже для современников Достоевского было очевидно, что всевозможные оккультные ритуалы реализуются с корыстной целью и с целью обмана. Так, в комментариях к законодательным актам В. М. Шиманского четко указывалось мошенничество как прямая цель колдовства: «совершающие это деяние всегда имеют цель – исторгнуть таким образом деньги» [32, с. 227].

Катерина, напуганная «пророчествами» старика, находясь постоянно под его «присмотром», делится своими страхами с Ордыновым: «Он говорит <...> что когда умрет, то придет за моей грешной душой» [11, I, с. 293]. Мистический страх Катерины подчеркивается на протяжении всей повести: «Я все боюсь, все боюсь» [11, I, с. 277]; «Жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана!» [11, I, с. 291]; «Злой человек – он, погубитель мой!.. Я душу ему продала...» [11, I, с. 293]. Таким образом, зависимость Катерины от Мурина основана на чувстве страха, вызванном соучастием в его преступлениях и ее убежденно-

стью в его «мистической» власти. В «Страшной мести» Гоголя нельзя еще говорить об изображении зависимости Катерины от колдуна, потому что здесь ее образ буквально разделяется надвое: пани Катерина «реальная» и ее «душа», которая знает больше, чем сама Катерина. Можно говорить лишь о некоем сходстве манипулирования религиозными чувствами Катерины со стороны колдуна, когда тот уговаривает ее выпустить его из темницы, обещая раскаяться в своей преступной жизни.

Характерной деталью, объединяющей два демонических образа, является оружие: оба колдуна никогда не расстаются со своими ножами (притом нож Мурина Катерина неспроста называет «нечистым»). Все это подчеркивает преступный, «уголовный» колорит обеих повестей и говорит о колдуне как о нераскаявшемся преступнике, который может переступить любую черту, считая, что ему «все позволено». Соотношение Ильи Мурина с гоголевским колдуном позволяет, в частности, доказать несостоятельность попыток в достоевсковедении считать его «кающимся грешником» (так, например, по мысли Г. М. Фридлендера и соавторов, Мурин терзаем муками совести [11, I, с. 509]; видеть Мурина кающимся хотела бы и О. Г. Дилакторская¹).

Интересно при этом, что и в «Страшной мести», и в «Хозяйке» присутствуют сюжеты, когда героиня сама нападает с ножом на колдуна-отца. Но в «Страшной мести» эта «битва» представляет собой фактически финальный, трагический, эпизод, когда колдун, вырывая нож, не останавливается ни перед чем и убивает свою дочь [7, с. 179]. В «Хозяйке», напротив, со сходного эпизода как раз начинаются взаимоотношения Мурина и Катерины: Мурин замахивается с ножом на ее мать, та его останавливает, и в этот момент Мурин обращает на нее внимание. Таким образом, Достоевский здесь, скорее всего, сознательно использовал эпизод с ножом как «отсылку» к гоголевской повести. Но если в «Страшной мести» колдун, уже под видом и в облики казака, так и не добившись благосклонности Катерины, убивает и ее, то в «Хозяйке» Мурин, хоть физически и не убивает Катерину (хотя и признается в том, что в помутнении рассудка был близок к этому), но на-

¹ Дилакторская О. Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века: Пушкин, Гоголь, Достоевский: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – С. 199–200.

столько держит ее в своей власти, что для читателя совершенно очевидно, что ни встреча с Ордыновым и его любовь, ни какое-либо иное чудо не спасет ее. С большой долей вероятности можно предположить, что Мурин готовит Катерину стать его преемницей – «хлыстовской богородицей» (см. об этом: [18]), и путь ее к воскресению уже невозможен. Катерина уже сама ощущает свою безусловную власть над Ордыновым, и по ее молчаливому приказанию он оказывается буквально в шаге от преступления. Называя Катерину «Владычицей», Ордынов фактически готов стать ее первым «адептом».

Еще одна довольно четкая отсылка к «Страшной мести» в «Хозяйке», пока не выявленная исследователями, – это эпизод, предваряющий гибель Петра от рук Ивана, который открывается следующей картиной: «По-над самым провалом дорога – два человека еще могут проехать, а трое – ни за что» [7, с. 184]. Дважды в «Хозяйке» упоминается сходный сюжет: первый раз, когда Ордынов только пришел к Мурину и Катерине и убедился в том, что «троим в такой квартире нельзя было жить» [11, I, с. 272], и второй раз, когда Катерина рассказывает про гибель Алеши и передает слова Мурина: «Тяжело нашей лодке! не сносить ей троих» [11, I, с. 301].

Обсуждение и выводы

Итак, такое количество сюжетных совпадений не может быть случайным. Вслед за Тыняновым, Бемом и Мочульским нельзя не увидеть в «Хозяйке» пародирования гоголевского сюжета или, по определению Л. Я. Ермиловой, антитезу идейному содержанию гоголевской повести. Однако главное различие находится именно в идейной плоскости: если у Гоголя прослеживается мысль о фатальной предопределенности (месть Ивана Петру заключается в том, чтобы все потомство его врага, бывшего друга, «не имело на земле счастья» [7, с. 185]), фактически все события повести и определяются этим «родовым проклятием», то у Достоевского никакой предопределенности и фатальности нет. Переводя сюжет «Страшной мести» в плоскость реальных событий и вписывая героев в хлыстовско-раскольничью среду, Достоевский показывает, что любые «страшные фантазии» в такой среде могут стать

реальностью. Если с колдуна снять маску, под ней окажется лидер организованной преступной группы. Если «расплести» намеренно переплетенные до непонятности сюжетные линии, за ними открывается реальность, которая страшнее самой «страшной повести», и власть колдуна оказывается не «таинственной», «загадочной» и не «гипнозом», а основанной на манипулировании религиозными чувствами и соучастии в преступлении. «Нагроможденные», запутанные сюжетные линии при их «расплетении» оказываются обычным криминалом, «колдун» пользуется вполне реальными и типичными приемами криминального мира: запугиванием, угрозами, манипулированием при помощи связывания членов своей группы соучастием в преступлении. Итак, можно предположить, что в «Хозяйке» Достоевского мог бы быть заключен следующий художественный «ответ» Гоголю: нет никакого колдовства и никаких колдунов, а есть убийца и мошенник, подчиняющий себе «слабое сердце» путем соучастия в преступлении.

Список литературы

1. Аврамец И. Мифологические мотивы в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Сб. статей. – Тарту: Эйдос, 1992. – С. 148–160.
2. Арямов А. А. Становление отечественного уголовного права: ретроспективный анализ. Учебное пособие. – М.: Юстиция, 2016. – 246 с.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. – М.: Книжный клуб Книговек, 2011. – 416 с.
4. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Прага 1929 / 1933 / 1936. – М.: Русский путь, 2007. – С. 206–218.
5. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. – СПб., 1863. – Кн. 8, доп. История распоряжений по расколу. – 656 с.
6. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. – М.: Книга, 1991. – 607 с.
7. Гоголь Н. В. Страшная месть // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1952. – Т. 1. – С. 146–186.
8. Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 348 с.
9. Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica, Двужызычный журнал по русской и теоретической филологии. – 1995. – Т. 2. – № ¾. – С. 59–84.
10. Джиганте Дж. Сновидения в «Хозяйке» // Достоевский и современность: материалы XII Международных Старорусских чтений 1997 года, Старая Русса, 1998. – Старая Русса, 1998. – С. 40–52.
11. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

12. Евлампиев И. И. Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Достоевского. Повесть «Хозяйка» // Достоевский и мировая культура, № 27. – СПб.: Серебряный век, 2010. – С. 21–39.

13. Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. – М.: ГИХЛ, 1956. – 280 с.

14. Ермилова Л. Я. «Страшная месть» и «Хозяйка» (этюды из области психологии творчества Гоголя и Достоевского) // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ. – 1969. – № 315. – С. 110–127.

15. Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости // Творческий путь Достоевского. Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского. – Л.: Сеятель, 1924. – С. 3–48.

16. Карпачева Т. С. Кошмар Кошмарова: секта и криминал в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник МГОУ. Филологические науки. – 2019. – № 4. – С. 99–112.

17. Карпачева Т. С. Строжайше запрещено-с»: о роде занятий Мурина в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Пушкинские чтения-2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 234–243.

18. Карпачева Т. С. Хлыстовство в осмыслении Достоевского и Тургенева // Достоевский и мировая культура // Петербургский альманах. – 2019. – № 37. – С. 97–113.

19. Климова М. Н. Миф о колдуне и очарованной красавице в русской литературе // Вестник ТГПУ. – 2007. – Вып. 8 (71). Сер.: Гуманитарные науки. – С. 60–66.

20. Кузьминых Э. С. Роман Ж. Санд «Индиана» и повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка»: опыт сравнительно-исторического анализа // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. – Т. 1. – С. 279–286.

21. Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский). Белые голуби // Мельников-Печерский П. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1963. – Т. 6. – С. 255–376.

22. Михновец Н. Г. «Гроза» – «Кроткая» – «Бесприданница»: история метасюжета и проблема постижения факта действительности // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. научн. трудов. Петербургские чтения-2012. – СПб.: Петербургский институт печати (СПГУТД), 2013. – Ч. II. Литературоведение. – С. 100–112.

23. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.

24. Реизов Б. Г. «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме жанра) // Русская литература. – 1976. – № 1. – С. 144–148.

25. Розенталь Т. К. Страдание в творчестве Достоевского. Психогенетическое исследование // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1919. – № 1. – С. 88–107.

26. Свительский В. А. Романтическая повесть Достоевского // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. – Воронеж, 1978. – С. 46–55.

27. Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. – М.: Раритет, 2005. – 512 с.

28. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). – Петроград: ОПОЯЗ, 1921. – 48 с.

29. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1876–1917. – Т. 14: Устав о предупреждении и пресечении преступлений, 1876. – 21 с.

30. Цой Л. Н. Проблема раскола и народных ересей в творчестве Достоевского. – Якутск: ЯГУ, 1995. – 114 с.

31. Чулков Г. И. Как работал Достоевский. – М.: Советский писатель, 1939. – 340 с.

32. Шиманский В. М. Преступные деяния по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – Одесса: тип. акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1910. – 648 с.

33. Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А. Шапова. – СПб.: изд. М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 1. – С. 580–647.

Tatiana S. Karpacheva

Once Again about the Influence of N. V. Gogol's "Terrible Revenge" on F. M. Dostoevsky's "The Landlady"

The article discusses the reception of the plot of the "Terrible Revenge" by N. V. Gogol in the story of F. M. Dostoevsky "The Landlady". This question has a long history in the study; researchers have repeatedly addressed it, focusing mainly on the idea that the Gogol plot is parodied in Dostoevsky's story, but the purpose of this parody and its influence on the ideological content of the work remain unexplored in science. The author comes to the conclusion that the main difference between the plots lies precisely in the ideological plane: if Gogol's "Terrible Revenge" traces the idea of fatal predestination, in fact all the events of the story are determined by the «generic curse», then Dostoevsky, on the contrary, has no predestination and fatality. Gogol's sorcerer is supposedly a «real» sorcerer, which, however, fits into the genre signs of the «terrible story». It is with this understanding that Dostoevsky enters into a polemic: if the mask is removed from the «sorcerer», then the leader of an organized criminal group will be under it.

Key words: Dostoevsky, story "The Landlady", Gogol, "Terrible revenge", the sorcerer.

For citation: Karpacheva, T. S. (2023) Eshche raz o vliyani "Strashnoj mesti" N. V. Gogolya na "Hozyajku" F. M. Dostoevskogo [Once again about the influence of N. V. Gogol's "Terrible Revenge" on F. M. Dostoevsky's "The Landlady"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 10–31. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_10

References

1. Avramec, I. (1992) *Mifologicheskie motivy v povesti F. M. Dostoevskogo «Hozyajka»* [Mythological motives in the story of F. M. Dostoevsky "The Mistress"] *V chest' 70-letiya professora YU. M. Lotmana. Sb. statej* [In honor of the 70th anniversary of Professor Yu. M. Lotman. Digest of articles]. Tartu: Ejdos Publ. Pp. 148–160. (In Russian).
2. Aryamov, A. A. (2016) *Stanovlenie otechestvennogo ugolovnogo prava: retrospektivnyj analiz. Ucheb. posob.* [Formation of domestic criminal law: a retrospective analysis. Study Guide]. Moscow: YUsticiya Publ. (In Russian).
3. Bely, A. (2011) *Masterstvo Gogolya. Issledovanie* [Gogol's skill. Study]. Moscow: Knizhnyj klub Knigovek Publ. (In Russian).
4. Bem, A. L. (2007) *Dostoevskij – genial'nyj chitateľ* [Dostoevsky is a brilliant reader] *O Dostoevskom. Sb. statej pod red. A. L. Bema* [About Dostoevsky. Sat. articles ed. A. L. Bema] Praga 1929 / 1933 / 1936. Moscow: Russkij put' Publ. Pp. 206–218. (In Russian).
5. Varadinov, N. V. (1863) *Istoriya Ministerstva vnutrennih del. Kn. 8, dop.* *Istoriya rasporyazhenij po raskolu* [History of the Ministry of Internal Affairs. Prince. 8, add. History of dissolution orders]. St. Petersburg. (In Russian).
6. Volgin, I. L. (1991) *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskij i sovremenniki: zhizn' v dokumentah* [Born in Russia. Dostoevsky and contemporaries: life in documents]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian).

7. Gogol, N. V. (1952) *Strashnaya mest'* [Terrible revenge] Gogol N. V. *Sobr. soch.*: v 6 t. [Gogol N. V. Collected Works in 6 vols.]. Moscow: gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury. Vol. 1. Pp. 146–186. (In Russian).

8. Dilaktorskaya, O. G. (1999) *Peterburgskaya povest' Dostoevskogo* [Dostoevsky's Petersburg story]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ. (In Russian).

9. Dilaktorskaya, O. G. (1995) *Skopcy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoevskogo* (K istolkovaniju povesti «Hozyajka») [Skoptsy and eunuchs in the image of Dostoevsky (On the interpretation of the story "The Mistress")] *Philologica, Dvuyazychnyj zhurnal po russkoj i teoreticheskoj filologii – Philologica, Bilingual Journal of Russian and Theoretical Philology*. Vol. 2. No. ¾. Pp. 59–84. (In Russian).

10. Dzhigante, Dzh. (1998) *Snovideniya v «Hozyajke»* [Dreams in the "Mistress"] *Dostoevskij i sovremennost': materialy XII Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 1997 goda* [Dostoevsky and the present: materials of the XII International Old Russian Readings in 1997]. Staraya Russa. Pp. 40–52. (In Russian).

11. Dostoevsky, F. M. (1972–1990) *Sobr. soch.*: v 30 t. [Collected Works in 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

12. Evlampiev, I. I. (2010) *Pervyj opyt religiozno-filosofskih iskanij v tvorcestve Dostoevskogo. Povest' «Hozyajka»* [The first experience of religious and philosophical searches in the work of Dostoevsky. The story "The Mistress"] *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. No. 27 [Dostoevsky and World Culture, No. 27]. St. Petersburg: Serebryanyj vek Publ. Pp. 21–39. (In Russian).

13. Ermilov, V. V. (1956) F. M. Dostoevskij [Dostoevsky]. Moscow: gos. izd-vo hudozh. literatury. (In Russian).

14. Ermilova, L. YA. (1969) «Strashnaya mest'» i «Hozyajka» (etyud iz oblasti psihologii tvorcestva Gogolya i Dostoevskogo) ["Terrible revenge" and "Mistress" (a study from the field of psychology of Gogol and Dostoevsky)] *Voprosy russkoj literatury. Uchenye zapiski MGPI – Questions of Russian literature. Scientific notes of MGPI*. No. 315. Pp. 110–127. (In Russian).

15. Istomin, K. K. (1924) *Iz zhizni i tvorcestva Dostoevskogo v molodosti* [From the life and work of Dostoevsky in his youth] *Tvorcheskij put' Dostoevskogo. Sbornik statej pod red. N. L. Brodskogo* [Dostoevsky's creative path. Collection of articles, ed. N. L. Brodsky]. Leningrad: Seyatel' Publ. Pp. 3–48. (In Russian).

16. Karpacheva, T. S. (2019) *Koshmar Koshmarova: sekta i kriminal v rannem tvorcestve F. M. Dostoevskogo* [Nightmare of Nightmare: sect and crime in the early works of F. M. Dostoevsky] *Vestnik MGOU. Philological Sciences – Vestnik MGOU. Philological sciences*. No. 4. Pp. 99–112. (In Russian).

17. Karpacheva, T. S. (2019) *Strozhajshe zapreshcheno-s*: o rode zanyatij Murina v povesti F. M. Dostoevskogo «Hozyajka» [Strictly forbidden-s]: about the occupation of Murin in the story of F. M. Dostoevsky "The Mistress" [Pushkinskie chteniya–2019. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii] [Pushkin Readings–2019. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text. Proceedings of the XXIV international scientific conference]. St. Petersburg: Leningrad Pushkin State University. Pp. 234–243. (In Russian).

18. Karpacheva, T. S. (2019) *Hlystovstvo v osmyslenii Dostoevskogo i Turgeneva* [Khlystism in the comprehension of Dostoevsky and Turgenev] *Dostoevskij i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture] *Peterburgskij al'manah – Petersburg Almanac*. No. 37. Pp. 97–113. (In Russian).

19. Klimova, M. N. (2007) *Mif o koldune i ocharovannoj krasavice v russkoj literature* [The myth of the sorcerer and the enchanted beauty in Russian literature] *Vestnik TSPU. Ser.: Gumanitarnye nauki – Bulletin of TSPU. Series: Humanities*. Issue. 8 (71). Pp 60–66. (In Russian).

20. Kuzminykh, E. S. (2012) *Roman Zh. Sand «Indiana» i povest' F. M. Dostoevskogo «Hozyajka»: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza* [Roman J. Sand "Indiana" and the story of F. M. Dostoevsky "The Mistress": an experience of comparative historical analysis] *Dergachevskie chteniya–2011. Russkaya literatura: nacional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti: materialy X Vseros. nauch. konf.* [Dergachev readings–2011. Russian Literature: National Development and Regional Features: Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference] Ekaterinburg. Vol. 1. Pp. 279–286. (In Russian).

21. Melnikov-Pechersky, P. I. (Andrej Pechersky) (1963) *Belye golubi* [White doves] *Mel'nikov-Pecherskij P. I. Sobr. soch.*: v 6 t. [Melnikov-Pechersky P. I. Collected works.: in 6 volumes]. Moscow: Pravda Publ. Vol. 6. Pp. 255–376. (In Russian).

22. Mihnovec, N. G. (2013) «Groza» – «Krotkaya» – «Bespridannica»: istoriya metasyuzheta i problema postizheniya fakta dejstvitel'nosti [“Thunderstorm” – “The Meek” – “Dowry”: the history of the meta-plot and the problem of comprehending the fact of reality] *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga: Sb. nauchn. trudov. Peterburgskie chteniya–2012. Ch. II. Literaturovedenie* [Press and word of St. Petersburg: Sat. scientific works. Petersburg Readings–2012. Part II. Literary criticism]. St. Petersburg: izd-vo Peterburgskij institut pechati (SPGUTD). Pp. 100–112. (In Russian).

23. Mochulsky, K. V. (1995) *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian).

24. Reizov, B. G. (1976) «Hozyajka» F. M. Dostoevskogo (k probleme zhanra) [“Mistress” F.M. Dostoevsky (to the problem of the genre)] *Russkaya literatura – Russian Literature*. No. 1. Pp. 144–148. (In Russian).

25. Rozental, T. K. (1919) *Stradanie v tvorchestve Dostoevskogo. Psihogeneticheskoe issledovanie* [Suffering in Dostoevsky's work. Psychogenetic research] *Voprosy izucheniya i vospitaniya lichnosti* [Issues of studying and educating personality]. No. 1. Pp. 88–107. (In Russian).

26. Svitel'sky, V. A. (1978) *Romanticheskaya povest' Dostoevskogo* [Dostoevsky's romantic story] *Individual'nost' pisatelya i literaturno-obshchestvennyj process* [The individuality of the writer and the literary and social process]. Voronezh. Pp. 46–55. (In Russian).

27. Stepanyan, K. A. (2005) «Soznat' i skazat'»: «Realizm v vysshem smysle» kak tvorcheskij metod F. M. Dostoevskogo [“Conscious and say”: “Realism in the highest sense” as a creative method of F. M. Dostoevsky]. Moscow: Raritet Publ. (In Russian).

28. Tynyanov, Yu. N. (1921) *Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol (on the theory of parody)]. Petrograd: OPOYAZ Pudl. (In Russian).

29. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij Svod zakonov Rossijskoj Imperii* (1876) [Charter on the prevention and suppression of crimes. Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1876–1917. Vol. 14: *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij* [Charter on the prevention and suppression of crimes]. (In Russian).

30. Coy, L. N. (1995) *Problema raskola i narodnyh eresej v tvorchestve Dostoevskogo* [The problem of schism and folk heresies in Dostoevsky's work]. Yakutsk: YAGU. (In Russian)

31. Chulkov, G. I. (1939) *Kak rabotal Dostoevskij* [How Dostoevsky worked]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).

32. Shimansky, V. M. (1910) *Prestupnyye deyaniya po Ulozheniyu o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh i Ustavu o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'yami* [Criminal acts according to the Code of Penal and Correctional Punishments and the Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace]. Odessa: tip. akcionernogo YUzhnorusskogo obshchestva pechatnogo dela. (In Russian).

33. Shchapov, A. P. (1906) *Umvstvennye napravleniya russkogo raskola* [Mental directions of the Russian schism] *Sochineniya A. SHCHapova* [Works of A. Shchapov]. St. Petersburg: izd. M. V. Pirozhkova. Vol. 1. Pp. 580–647. (In Russian).

дата получения: 18.02.2023 г.
дата принятия: 06.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 18 February 2023
date of acceptance: 06 March 2023
date of publication: 30 June 2023